

Предварительные итоги

Смейтесь надо мной, плюйте мне в лицо, но я лично радуюсь открытию новых частных лавок, преобразению бывших цельноварных будок в цивилизованные, озаренные неонам павильоны, возрождению изумительных российских особняков, десятилетиями прозябавших в виде клоповников-развалюх.

Пусть мне не ходить в эти фирменные офисы, пусть не по карману мне новейшее изобилие, все равно это жизнь, это действительность, это доказательство, что дефицит — всего лишь плод извращенной экономики, что еды и товаров на самом деле всегда хватает, нужно лишь привести жажду потребления в соответствие с логикой труда и производства.

В Елисейском гастрономе очередь в кассу имеет теперь возможность развлекаться зрелищно высококачественными заграничными товарами. Например, вина прославленных мировых марок.

«Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?» — эта фраза из булгаковского романа не кажется ныне такой уж отвлеченной.

Женщины из очереди громко возмущались, однако, ценами на французское шампанское. Можно было подумать, что недавно они только его и пили.

— Вы же не удивляетесь ценами на бриллианты, — попробовал я их урезонить. — А ведь «Вдова Клико» — это своего рода бриллиант. Производится лишь в одном-единственном департаменте Франции. Требуется кропотливого труда. Освящена традицией. Да и покупается, может быть, раз в десять лет.

Доводы мои, как ни странно, вроде бы возымели действие. Но сам я с отчаянием трезвости понял, что не куплю бутылку знаменитого французского вина, видимо, никогда в жизни. Оттолкнувшись от этого грустного осознания, безотчетно принялся размышлять о своих нынешних возможностях вообще. О положении, так сказать, типичного среднего интеллигента. О ситуации рядовой творческой единицы.

Ну, разумеется, подобно многим своим современникам и коллегам, за последний год с лишним я разом обеднел. Из какого-никакого среднего класса к старости лет переместился в студенческую юность. С тою только разницей, что тогда мир возможного мало-помалу расширялся, а теперь он сужается. Любопытно, что для людей моего, как говорится, художественного круга существенны не материальные потери сами по себе (за «обзаводом», как говорили известная литературная героиня, мы особо не гнались), но как бы утрата нашего привычного образа жизни.

Слетать на три весенних дня в Крым, закупить гору книг, выпить того же французского шампанского, в тот редкий

раз, когда оно появляется в Столешникове, — сейчас все это мне недоступно. От несомненного этого факта бросало в ностальгию по блаженным застойным временам, хотелось вспоминать о беззаботных застольях, о легко составившихся компаниях, о столь же беспечно тратившихся деньгах...

Честная память, однако, подбрасывала и другие факты.

В декабре семьдесят шестого я был командирован в целинный совхоз для написания соответствующих материалов к юбилею товарища Леонида Ильича Брежнева. В магазине совхоза-орденоносца, кроме водки-сучка и конфет-подушечек, не было вообще ничего.

В восьмидесятом году с «предписанием по казенной надобности», как выражался классик, посетил Харьков. В гастрономах на знаменитой Сумской, кроме упоминавшейся грубой водки и огромных маринованных огурцов в банках, тоже иных деликатесов не наблюдалось. Птицу, по выражению местных остряков, здесь в последний раз видели на лету.

Зато во Пскове весной восемьдесят первого гостиничный буфет гордился изобилием жвачки, «пепси-колы». Что-либо более существенное отсутствовало настолько буквально, словно все потребности человечества целиком удовлетворялись резинкой и лимонадом из заморского пороска.

Характерно, что марша пустых кастрюль и бряцающих

ложек никто тогда не устраивал.

Женщины набивались в поездку дальнего следования, в электрички, в автобусы, следующие по памятным местам Владимира Ильича, и устремлялись в столицу, где часами днями, неделями маялись в бесконечных очередях, с отметками химическим карандашом на ладонях, с ночевками на мраморных ступенях знаменитых универсамов.

И ничье отзывчивое сердце не обливалось публично кровью при виде страданий родного народа.

Народоловиевые, впрочем, как и западнического толка публицисты, отоваривались тогда в соответствии с методом номенклатурного распределения. Не по высшему, разумеется, разряду, но пристойно. Иногда в эти резервации для избранных, в отделы заказов гастрономов забредала какая-нибудь старушка с полупустой кошелкой.

— Это не для всех! Не для всех! — почему-то злорадно кричали ей писательские жены.

И никто не проливал покаянной слезы над судьбой несчастной старушки, которая даже пучка зеленого лука не смела продать, не будучи уличенной в преступлении частной торговли.

На улице тотчас, с первого взгляда можно было отличить гражданина обыкновенного, будь он хоть семи пядей во лбу, от гражданина идейно полноценного, номенклатурного, приближенного к верхам. Обыкновенные граждане одевались во все неброско московское, в

лучшем случае в нечто скромное гэдээровское или польское. Номенклатурная публика носила особые пальто из рыхлого шотландского ратина, монументальные ондатровые шапки, мохеровые английские шарфы и ботинки «Стокман» — все от знаменитой «сотой секции» ГУМа, от какого-нибудь менее престижного распределителя, наконец, от валютной «Березки».

И что любопытно, недовольства по этому поводу, истерик, призывов к праведному бунту отнюдь не было слышно. В крайнем случае предпринимчивые граждане скупали возле «Березок» чеки Внешпосылторга или вступали в неформальные отношения с продавщицами из распределителей.

Вот память, а! Из ее глубин всплывает, например, картина всенародного побоища возле винного магазина в прелестном крымском городке. Только что принят высоконаправленный антиалкогольный закон, на весь винодельческий полуостров оставлены две-три питейные точки, и вот отдыхающие со всего Союза бестрепетно уничтожают друг друга во имя торжества великой трезвенной идеи. О национальном спасении никто охоты не помышляет.

И, наконец, ранняя зима девяносто первого. Абсолютно пустые магазины. Поговорка «шаром покати» приобретает совершенно буквальный смысл. Хлеб — хоть какой-нибудь — можно разыскать лишь в пятой или шестой булочной. Стоять за ним приходится часа полтора. Закаленного в очередях, более всего меня пуга-

ет не это. А совершенная тьма на опустевших, безжизненных улицах. Впечатление блокады. Осады. Прекращения какой-либо нормальной разумной деятельности. Зачем я все это вспоминаю? А затем, чтобы прямо объявить: пейзаж повсеместного нынешнего базара — чаще всего раздражающего, иногда оскорбляющего нормальное эстетическое чувство, — все же внушает надежду. Потому что торговля — это не безликое распределение, это естественнейшее первородное человеческое занятие, построенное на учете целого спектра человеческих интересов, пристрастий и вкусов. Не все продается — скажете вы, но для того, чтобы понять, что именно не поддается купле-продаже, надо прежде научиться торговать.

И не завидуйте черной завистью чужому богатству, не терзайтесь по тому поводу, что новые эти магазины пока еще не для вас. Эта пресловутая «сотая секция» никогда бы не открыла нам двери, а любой Карден, любой Армани, любой Елисей и Филиппов рано или поздно станет нашим магазином. И любое частное богатство, вопреки всем марксистским догмам, рано или поздно начинает работать на общественное благо. Потому сто личных машин и две тысячи костюмов не нужны никакому мультимиллионеру. Смешно, конечно, что об этом рассуждает человек, который теперь не в состоянии купить себе одного костюма. Но я вхожу в нормальный московский магазин и понимаю, что теперь должен работать, зара-

батывать, вкалывать, а не доставать по знакомству и не проводить свои дни в блаженном интеллектуальном безделье.

Признайтесь, за что мы прежде нередко ценили свою работу. За то, что она не бей лежачего. Так не стесняясь и признавали, платят, конечно, копейки, зато можно месяцами ничего не делать.

Теперь так не говорят. Теперь ищут работу доходную, перспективную, а главное — позволяющую реализовать разнообразный потенциал личности, а не только тот, что определен дипломом или справкой о тарификации. Это уже изменение в психологии. При чем обнадёживающее. И оздоровление потребительских нравов тоже можно заметить. Раньше наш неизбалованный покупатель пленялся любой яркой упаковкой. С ходу хватал всякий импортный товар — нужно или не нужно, потом разберемся. Сейчас — не хватает, не приходится в ажиотаж при виде престижного клейма. Конечно, по случаю зубастых цен. Но не только. Еще и потому, что изживается мало-помалу хватательный инстинкт.

Между прочим, у знаменитой Новой Экономической Политики в самые годы ее расцвета было немало хулителей. Негодовали на «сугар», на бесчисленных растратчиков, на появление новой «красной» буржуазии. Зато, когда нэп прикрыли, вспоминать о нем прижились как о потерянном рае.

Намек, надеюсь, понятен.